2. Письмо («объявление») верховских и чуркинских крестьян (№ 34) наглядно показывает, как жители Великопоженского скита в своем стремлении обогащаться не стеснялись захватывать земли и покосы потомков бывших скитян, крестьян соседних с ними деревень.

3. Письмо к Матвею Абрамовичу (№ 22) раскрывает моральный облик местных воротил, с помощью денег и водки откупающихся от тяжелой выборной должности полесовщика.

4. Личная переписка пижемцев интересна тем, что касается бытовой стороны жизни обитателей Пижмы в XIX веке, стороны, еще мало известной и совсем не изученной. Письмо Ивану Евстафьевичу (№ 31) говорит о тесных связях в XIX в. Пижмы с Выго-Лексинским общежительством. Жители пижемских селений пользовались художественным наследием выговцев и помогали последним в трудные минуты. Из письма также видно, что с Лексы шли на Пижму иконы и книги. Адресат письма, Иван Евстафьевич, был, вероятно, одним из великопоженских наставников, поскольку его называют «батюшка». Это письмо интересно и другой стороной: явственно проглядывает льстивое лицо опытного скитского просителя-вымогателя.

1. «Плачи» по Москве

Плач странствующаго о погибели своего отечества смертоносием

Могу ли я ныне совершенно оплакать самим окияном слез о моем отечестве толь изпространнаго света пространнейшем и прекраснейшем граде, толико против прочих горестьми, слезами, стонанием, воздыханием и самым смертоносием ныне презельно уязвленном? О, непостояннейший мире, коль ты есть превратен! Своими я глазами недавно видел в тоземственном пределе превеселую радость и глумящееся восклицание, ныне же слышу ушима действующийся тамо плачь и рыдание.

Где ныне, о преславнейший [*л. 1*] граде, ездящии гордо по твоих пространным улицам, где увенчанныя лаврами торжествователи, где пищальныя мусикии? Все, все скрылось в мегновении ока. Ныне более в тебе гласится вечная память, нежели италианския канцерты. Ныне превеликия состоит в тебе тон из сих гласов. Ох, ох, горе, горе, увы, увы, а не инструментальная музыка. И уже затворились торжища с златыми колесницами и прочиими драгоценными вещами. Надобность только многим пришла купить себе каждому гроб, уже не спрашивая того, что он есть ли дубовой. А инной доволь[*л. 1 об.*]ствуется и единой мочальной срачицею.

В тебе ныне, прекраснейший граде, не слыханное учиняется дело. Провожает мать дочь, отец сына, брат брата, и напротив сын отца, дочь матерь и брат сестру с тихими слезами, идущих на своих еще ногах в тыя места, где они засыплются мертвыя землею, и тамо оставя их готовою быть жертвою смерти, возвращаются печальны и радостны в дом. Печальны, что лишились любезных, радостны же, что без великаго командующих истязания.

Ах, горестныя твоея печали превеселый граде. Уже и по дорогам [*л. 2*] твоим вместо прекрасных столпов лежат мертвыя человеческия трупы. Ныне то совершенно да памятуют твои граждане философическую сию фему: «Помяни всяк,[1] яко смерть не замедлит» И да напишет сие каждый

[1] *В рукописи слово* всяк *в квадратных скобках*